

Объединяя свои сообщения об антах и склавенах, Прокопий пишет, что и те и другие «владеют (νέμονται) большей частью противоположного побережья Истра» (там же, III, 14, § 30), что и те и другие «основались за рекой Истром, недалеко от его берегов» (там же, I, 27 § 2). При этом тот же автор даже подчеркивает, что анты жили в ближайшем соседстве со склавенами — Ἄνται, οἱ Σκλαβητῶν ἄγχιστα φικῆνται (там же, III, 40, § 5), и делает ударение на их тесном соприкосновении (может быть — взаимопроникании?), употребляя превосходную степень в наречии ἄγχιστα.

Нельзя забывать, что где бы ни жил Иордан, когда писал свое сочинение,⁴⁸ и откуда бы ни рассматривал Кассиодор изображаемые им события, во всяком случае оба автора находились гораздо южнее и западнее тех мест, которые описывали, касаясь славянских племен. Иными словами, едва ли могли быть известны им северные и восточные пределы распространения антов. Если Иордан слишком определенно ограничил расселение антов Днестром и Днепром, то, казалось бы, можно ждать разъяснения от Прокопия, который один раз обмолвился о восточных районах, населенных антами. Вовсе не имея последних объектом специального внимания, Прокопий лишь упомянул о них, описывая «окружность» (περίοδος) Понта Евксинского от Халкедона в Вифинии до Константинополя. Среди рассматриваемых Прокопием областей наиболее темной для автора остается часть побережья между Таврикой и дельтой Истра, хотя, в связи с политикой Юстиниана, писатель неплохо осведомлен о расселении гуннских племен кутригуров и утигуров; первые занимали места к западу от Танаиса и Мэотиды, вторые — к востоку. После определения территории утигуров Прокопий и «роняет» ставшее общеизвестным и, к сожалению, предельно краткое замечание о территории, занятой антами: «выше их (то есть утигуров) к северу обосновались безмерные племена антов» (καὶ αὐτῶν καθ' ὑπερθεὸν ἐς βορρᾶν ἀνεμὸν ἔδνη τὰ Ἄντων ἄμετρα ἴδρονται) (Bell. Goth., IV, 4, § 9). Если буквально следовать тексту, то получается, что анты распространялись к северу от территории, ограниченной с запада Мэотидой и Доном, так как эта именно территория была занята утигурами. Но продолжается ли здесь у Прокопия та же строгая последовательность в описании «окружности» Понта Евксинского, какая соблюдалась им до сих пор? По-видимому, нет: как раз на Мэотиде и Таврике она нарушается. Помимо вставок об устье Танаиса и Мэотиды, помимо повествования о событиях в жизни гуннов (кутригуров и утигуров) и трехкратного возвращения к вопросу о готах-тетракситах, что отвлекло автора от основной линии его рассказа (впрочем, кое в чем могла быть и позднейшая интерполяция), в эту часть сочинения Прокопия вкрались мало свои собственные ему ошибки: с Херсоном, столь хорошо известным Византии, оказались объединенными отдаленные от него города Таманского полуострова (там же, IV, 5, § 28). Кроме того, начиная отсюда, вдруг свертывается, сокращается подробное описание «окружности» Понта; создается впечатление о худшей осведомленности автора относительно этого северного и северо-западного отрезка побережья. Последние этапы намечены совершенно кратко: «от города Херсона до устьев реки Истра, которую называют также Данубием, пути десять дней, и всей тамошней землею владеют варвары» — «βαρβαροὶ δὲ τὰ ἐκείνη ἔδμπαντα ἔχουσιν» (там же, § 29). И дальше: «отсюда же [от устьев Истра] вплоть до Византия все земли принадлежат императору ромеев. Такова окружность Евксинского Понта от Халкедона до Византия» (там же, § 31).

⁴⁸ Ср. прим. 3.